

К. Е. Маковский. Жница. 1871 г.

селенческие хозяйства: дворы столыпинских переселенцев (23% от всех хозяйств) поставляли на региональный рынок наёмной рабочей силы 35 процентов всех учтённых переписью сельскохозяйственных рабочих.

Процесс социокультурной адаптации переселенцев осложнялся неразвитостью соответствующей инфраструктуры в районах массового водворения, обусловленной недостаточным финансированием переселенческой политики. И хотя после поездки в 1910 году Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь расходы на создание социальной инфраструктуры в переселенческих районах существенно возросли, тем не менее в условиях, когда приоритетной задачей правительства было финансирование форсированной индустриальной модернизации страны, средств на эти цели выделялось недостаточно. Поэтому мигранты жаловались на нехватку церквей; местной администрацией отмечались массовые переходы переселенцев в сектантство⁶. Из-за нехватки школьных учреждений для первого поколения детей столыпинских переселенцев сократились возможности получения начального образования не только в сравнении с теми, которые имелись в Европейской России, но и по сравнению со

старожилыми Сибири: по данным переписи 1917-го, лишь 15 процентов детей школьного возраста, имевшихся в семьях столыпинских переселенцев Алтайского округа, обучались в школах, тогда как в семьях старожилов — 20 процентов, а в Европейской России — свыше 40 процентов.

Результативность адаптации зависела не только от правительственной поддержки, но и от взаимоотношений новоприбывших с «коренными» жителями. Массовые миграции начала XX столетия породили ситуацию «фронттира» между старожилами и переселенцами⁷. Складывались замкнутые, часто обособленные группы компактного проживания выходцев из внутренних губерний империи — так называемые «концы» или «края» в границах селений, в том числе старожильческих: например, в селе Усть-Калманка выделялись Кержацкая улица и Курский край, в селе Тальменка — Сибирский край и Рязань, в селе Златополь — Таврия и Москалёвка⁸.

Первоначально крестьяне-старожилы были заинтересованы в причислении новосёл к своим сельским обществам, поскольку для них создавался рынок дешёвой рабочей силы. По мере возрастания масштабов переселения старожилы стали осознавать ценность

земли и повышать плату за приём переселенцев в свои общества. Уплотнение населения приводило к ломке привычного жизненного уклада сибирских крестьян, хозяйствовавших согласно изречению: «Селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно»⁹. С приёмом в общество новых членов правописание старожилов («веровать складами», «старозаимочность»¹⁰) столкнулось с привычками выходцев из центральной части страны, «воспитанных» на порядках передельного землепользования, что порождало множество споров по вопросам землепользования.

Напряжённость в отношениях переселенцев и алтайских старожилов обуславливалась и их культурным своеобразием. Публицисты конца XIX — начала XX века активно тиражировали сюжет о разности «характеров» (психотипов) сибиряков и великороссов¹¹. Современные исследователи также отмечают различия в их ментальных установках. Отсутствие помещичьего землевладения, земельный простор, затруднённый административный контроль в связи с удалённостью и разбросанностью крестьянских поселений формировали такие специфические черты психологического склада, как рационализм, индивидуализм, прагматизм, чувство собственного достоинства¹². Безусловно, что «индивидуализированной личностью сибиряка-собственника», ориентированного на жизнь в достатке, переселенец с его «жадностью к земле» воспринимался как конкурент, вторгавшийся в сферу его жизненных интересов, нарушивший привычный хозяйственный уклад. Эта разность приводила к взаимной отчуждённости, а нередко и к враждебности во взаимоотношениях. В старожильской среде переселенцев презрительно называли «самоходами», «№ 6» (номер списка регистрации безземельных крестьян), «вшивой расеей»¹³. Южнорусских переселенцев, выделявшихся особыми чертами культуры, в частности, ношением лаптей и понёв, старожилы называли «лапотонами»¹⁴. В свою очередь мигранты считали сибиряков «необразованными», называли их «чалдонами» (одно из распространённых значений — «бродяга, каторжник, беглый»), следуя общепринятому представлению, что все сибиряки и есть бывшие каторжники.

Жизнь «на чужбине», стрессовые условия первых лет на новом месте побуждали переселенцев сохранять прежнюю территориально-областническую общность. Свообразным механизмом защиты от «чужих» выступало сохранение традиционных признаков собственной культуры в соответствии с ресурсами нового региона проживания. Мигранты сохраняли свои диалекты и говоры, привычную планировку жилищ и их внутреннюю отделку, готовили свои национальные блюда с исполь-